

18+

Ани Талан

Маска мести

Часть первая

Ани Галап

Маска мести. Часть первая

«Издательские решения»

Галап А.

Маска мести. Часть первая / А. Галап — «Издательские решения»,

Когда огонь пожирает Фард, молодая вдова Маккена теряет всё. Оставшись одна с мёртвым мужем и ребёнком под сердцем, она заключает сделку с Ангелом Смерти — ценой становится душа её будущей дочери. «Маска мести» — история о том, как одна сделка меняет судьбы поколений, а маски, которые мы носим, рано или поздно спадают.

© Галап А.

© Издательские решения

Содержание

«Маска мести»	6
Часть первая	7
Автор	7
Ани Галап	8
Пролог	9
Глава 1. «Ночь великого пожара»	10
Глава 2. «Просьба о помощи»	14
Глава 3. «Сделка»	18
Глава 4. «Новая жизнь»	21
Глава 5. «Тайна»	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Маска мести. Часть первая

Ани Галап

© Ани Галап, 2026

ISBN 978-5-0070-5852-0 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-5853-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Маска мести»

Часть первая

Автор

Ани Галап

Пролог

«В потемках моей души я часто находила отголоски тёмного и сокроленного мира, медленно пробирющегося наружу. Он и оставил во мне истину, которую я не могла высказать вслух, но которую чувствовала каждой клеткой своего тела — ту истину, что свет и тьма всегда идут рука об руку, что ни одна победа не даётся без потерь, и ни одна потеря не бывает окончательной, пока в сердце теплится надежда.

Я не знаю, зачем я пишу эту историю. Быть может, для того, чтобы освободиться от той тяжести, которую я ношу в себе уже много лет. Быть может, для того, чтобы те, кто прочитает эти строки, почувствовали то же, что чувствую я, — ту тихую, но неистовую силу, которая поднимается из глубины, когда кажется, что всё потеряно. А быть может, я пишу её для того, чтобы доказать самой себе, что даже в самые тёмные времена можно найти свет, даже когда кажется, что надежда умерла.

Ибо я знаю, что такое терять. Я знаю, что такое стоять на коленях среди пепла и чувствовать, как мир рушится вокруг тебя. Я знаю, что такое любить так сильно, что эта любовь становится твоим проклятием и твоим спасением одновременно. И я знаю, что такое верить — даже когда все вокруг говорят тебе, что вера бессмысленна.

Эта история, которую я хочу вам рассказать, родилась не из вымысла. Она родилась из той тишины, которая наступает после бури, когда всё затихает, и ты остаёшься один на один с собой. Она родилась из слёз, которые я пролила, думая о тех, кого уже нет, и из смеха, который я слышала, глядя на тех, кто ещё жив. Она родилась из той боли, которую я носила в себе, и из той любви, которая помогла мне выжить.

Так позвольте же мне провести вас через этот мир — мир, где огонь пожирал города, но из пепла рождается новая жизнь; мир, где тьма простирает свои руки, но всегда находится тот, кто готов зажечь свечу; мир, где любовь и ненависть переплетаются в едином танце, и никому не дано знать, какой шаг станет последним.

Ибо в потемках моей души я нашла не только тьму, но и свет. И этот свет я хочу подарить вам».

Глава 1. «Ночь великого пожара»

Было что-то жуткое и вместе с тем величественное в том, как умирал город Фард. Эта ночь не походила на все прочие ночи в летописях Эридании; она была той роковой чертой, после которой мир уже не мог оставаться прежним, ибо сам воздух, казалось, обратился в горючую смолу, а небо, дотоле ясное и звёздное, заволочло багровым заревом, не знающим ни просвета, ни пощады.

Деревянные строения, крытые почерневшей от времени соломой, вспыхивали с той ужасающей быстротой, с какой вспыхивает сухой валечник в летний зной. Пламя перекидывалось с одного карниза на другой, словно невидимая рука гиганта перебрасывала горящие головни, и в этом треске, в этом стоне рассыпающихся балок, было нечто первобытное, напоминавшее о гневе самого Творца, в одночасье отвернувшегося от своего творения. Узкие переулки, где ещё вчера благоухали цветники и звенели весёлые голоса торговков, зазывавших прохожих купить свежих лепёшек и душистого мёда, ныне превратились в раскалённые ущелья; по их бокам струился едкий, сернистый дым, что выедал глаза и сжимал грудь железным обручем, не давая вздохнуть. Огонь, этот алчный и не знающий усталости зверь, медленно, но с неумолимой последовательностью пробирался к замку убитого короля Натана, пожирая всё, что дерзало встать на его пути: и купеческие лавки, и ремесленные мастерские, и бедные лачуги, в которых ещё минуту назад теплилась жизнь.

Но страшнее пожара были те, кто явился вместе с огнём. Суровые, как дикие скалы их родины, беспощадные воины из северных долин не знали жалости. Их кони, вороны, под стать их замыслам, тяжёлой рысью шли по улицам, и копыта их с чавканьем увязали в том, что ещё недавно было живой плотью. В руках врагов мечи сверкали ослепительными молниями, и каждый взмах уносил очередную душу, обезглавливая тех, кто не успел укрыться в погребах или бежать в поля. Варвары врываются в дома, и женские крики, полные невыносимого ужаса и стыда, смешивались с грубым хохотом победителей, а затем смолкали, заглушённые треском горящих стен. Женщин они хватали за волосы и тащили в ночь, чтобы надругаться и увести в полог, мужчинам же суждена была участь ещё более страшная: их прикалывали на пороге собственных жилищ, словно скотину, и тела их, облитые кровью, так и оставались лежать, остывая на глазах у семей.

Кровавые реки, не метафора, но горькая явь, текли по булыжным мостовым и вились в сточные канавы, смешиваясь с грязью и пеплом. Это была самая жестокая и самая кровопролитная бойня, какую когда-либо помнила история Эридании. Город, некогда считавшийся жемчужиной и гордостью страны, — с его высокими шпилями, залитыми солнцем площадями и тихими, чистыми садами, — за одну эту ночь был ввергнут в бездну такой тьмы, какая, казалось, вовек не рассеется. Мало-помалу крики живых стихли, уступив место лишь однообразному гулу пламени и одинокому, удаляющемуся стуку копыт тех, кто учинил это злодейство, увозя с собой награбленное добро и пленниц.

И когда дым немного рассеялся, и луна, закрывавшая лицо своё руками, выглянула из-за туч, чтобы взглянуть на дело рук человеческих, в замке, где ещё не остыли стены, осталась лишь одна живая душа. Это была Маккена, дочь короля, молодая вдова убитого ныне властителя. Она сидела в большой зале, где сейчас было пусто и холодно, хотя вокруг полыхали дрова в каминах, разбросанные врагами. На коленях у неё лежала голова супруга, и она, машинально

перебирая его спутанные, уже начавшие твердеть волосы, не сводила глаз с его остекленевшего взора.

Тихий плач, похожий скорее на стон больного зверя, вырывался из её груди. Это был не плач женщины, потерявшей кров — таких женщин были тысячи в эту ночь. Это был плач души, в одночасье осиротевшей, лишившейся всех своих опор, всех смыслов, коими держится человек в этом мире. Она хотела умереть, и мысль о смерти казалась ей теперь не устрашающей, но сладостной, словно награда за долгие страдания. Ибо что оставалось в жизни, когда весь мир рухнул, когда не стало ни мужа, ни дома, ни Бога, к которому можно было воззвать?

Но в самой глубине её естества, там, где таятся последние, животные инстинкты, теплилось нечто, не дававшее ей переступить последнюю грань. Теплилась — нет, билась, словно маленькая птица в клетке — новая жизнь. Плод, зачатый в ночи счастливой любви, в те времена, когда мир был чист, а небеса — благосклонны. Она носила под сердцем не просто ребёнка; она носила последнюю частицу того, что они разделили с ним на этой земле.

«Любови, которой отныне и вовек не суждено случиться в моей жизни, — подумала она с той странной отрешённостью, какая приходит к людям в минуты великого несчастья. — Ибо разве может любовь цвести на пепелище?»

Она провела ладонью по его лбу, уже холодному, как зимний камень, и наклонилась к самому его уху, будто надеясь, что он, мёртвый, всё же способен её услышать.

— Прости меня, мой ясный сокол, — заговорила она голосом хриплым, отчаянным, в котором ещё слышались ноты былой нежности. — Прости, что не сберегла я твою головушку. Прости, что не приняла я смерть рядом с тобой, как подобает честной жене. Прости, что теперь суждено нам расстаться, и не видеть мне больше твоих очей, и не слышать твоего голоса... Но разве могу я остаться здесь, чтобы враги, если вернутся, нашли меня и погубили в чреве моём ту единственную искру, что осталась от тебя, от нас? Я покидаю тебя, мой свет, но я уношу с собой нашу кровь. Помни, где бы я ни была, под каким небом ни скиталась, сердце моё навеки останется здесь, с тобой. Когда-нибудь, верю я, мы вновь будем вместе, там, где нет ни боли, ни разлуки.

С этими словами она припала к его устам в последнем, долгом прощании, чувствуя на губах солёный привкус собственных слёз, смешанный с медным запахом его крови. Затем, собрав в кулак свою волю, оставшуюся лишь в малой толике, Маккена поднялась, укрыла лицо глубоким капюшоном и, не оглядываясь, покинула родные своды, обречённые на вечное запустение.

Выйдя за ворота, она побрела по знакомым улицам, и каждое мгновение этого пути было мучительнее предыдущего. Она видела, как догорают остовы жилищ, как из щелей подвалов доносятся сдавленные стоны и мольбы о помощи тех несчастных, кому удалось уцелеть, но кто был погребён заживо под грудой обломков. Она слышала, как ветер, ставший теперь недругом, разносит пепел бывших соседей. Всякое движение, всякий шорох заставлял её сердце биться быстрее; ей чудилось, что за ней следят, что чьи-то жадные глаза, горящие угольями, следят из каждой подворотни за её одинокой фигурой. Страх, острый и липкий, как паутина, облепил её душу.

Она знала, если враг настигнет её, участь её будет страшнее смерти. Их грубые руки не пощадят ни её тела, ни того малого сокровища, что она несла в себе. Это сознание придавало

её ногам невиданную лёгкость, и, сама не заметив, она миновала последние городские стены, выйдя в открытое поле.

Позади, остался Фард, её прошлая жизнь, беззаботная и светлая, словно утренняя заря. Теперь перед нею лежала лишь безжизненная равнина, уходящая в неизвестность, и ночь, беспроектная, словно колодец. Она шла, спотыкаясь о кочки, не зная ни дороги, ни цели, но движимая единственным желанием: унести подальше то, что осталось от её любви.

Наконец, силы оставили её. Она упала на колени среди высокой, пожухлой от осени травы и, воздев руки к тёмному небу, из которого, казалось, навеки исчезли все звёзды, возопила:

— Господи! Владыка Небесный! За что? Чем прогневали мы тебя? Неужели весь этот ужас, вся эта бездна крови и слёз — и есть ответ на наши молитвы? Неужели не осталось у тебя ни капли милости к детям твоим? Неужели нет конца этому проклятию?

Но в ответ ей не было ни грома, ни молнии, ни тихого дуновения, ни даже равнодушного молчания. Была лишь пустота. Такая всепоглощающая пустота, что Маккена вдруг с ужасающей ясностью осознала: Господь и впрямь покинул её. Более того — Он никогда и не был здесь, в этом городе, в этом мире, который так легко отдал на поругание зверям.

В душе её что-то с громким, почти физическим треском переломилось. То, чему она верила с детства, во что вложили её отцы и наставники, вдруг рухнуло в прах, как те самые дома, что догорали за её спиной. Ярость, горячая и дикая, пришла на смену отчаянию. Она вскочила на ноги, и кулаки её сжались, а пальцы вцепились в тонкую золотую цепочку, висевшую на шее. С рывком, в котором было столько же силы, сколько и боли, она сорвала с себя нательный крест — символ её веры, её детства, её надежды на спасение.

— Я отказываюсь верить в тебя! — крикнула она в пустоту, и голос её, сорвавшись на визг, понёсся над равниной, разрывая мёртвую тишину. — Я не желаю больше кланяться тебе и просить тебя о чуде! Отныне я сама понесу ответ за свою жизнь и за жизнь моего дитя! Я не позволю больше никому, даже тебе, властвовать над моей судьбой!

И с последним словом она швырнула крест далеко в темноту, даже не взглянув, куда он упал. Затем, всё ещё дрожа от гнева и холода, она медленно обернулась. Взору её предстал Фард. То был уже не город, но адское наваждение: клубы багрового дыма, перемежающиеся с языками пламени, чёрные, скорбные силуэты руин, и над всем этим — небо, затянутое сажей, оскорбительно беззвёздное, словно и небеса отвернулись от этого места.

Смотреть на это было невыносимо, но и отвести взгляд она не могла. В памяти её навсегда запечатлелся этот образ, город, который она любила, который растил её, который видел её свадьбу и первое объятие, теперь умирал, и смерть его была мучительной. Запах гари, горелого мяса и тлена ударил в ноздри даже на расстоянии, и этот запах, въевшийся в одежду и волосы, сделался частью её самой.

Тихие, горькие слёзы снова потекли по её лицу, оставляя на щеках мокрые дорожки, обжигающие холодным ветром.

— Великий Фард, — прошептала она одними губами, — ты навсегда останешься в моём сердце. Как первая любовь, как первая боль... Прощай.

Она опустила голову, запахнула плащ плотнее, чтобы не видеть этого ужаса, и, пошатываясь, но, всё ещё не теряя надежды (самой безнадёжной, самой глупой надежды на свете), шагнула вперёд, в неизвестность, где не было ни Бога, ни прошлого, ни будущего — только она и тот маленький огонёк жизни, что дрожал внутри неё, и который она была обязана пронести сквозь эту беспросветную ночь.

Глава 2. «Просьба о помощи»

Чем дальше уходила Маккена от сумрачного, охваченного дымом города, тем явственнее чувствовала она, как некая неведомая сила, доселе сжимавшая её грудь железными тисками, начинала понемногу ослабевать. Она шла, не разбирая дороги, движимая лишь одним — желанием унести подальше то, единственное, что осталось у неё от прежней жизни. И когда, наконец, силы её почти иссякли, а ноги, казалось, вот-вот откажутся повиноваться, перед нею неожиданно открылось такое зрелище, от которого она замерла на месте, позабыв об усталости и боли.

Перед ней, среди зелёного и пышного леса, стояла гора Мелей. Она вздымалась к небесам с такой величавой гордостью, словно была не частью земли, но неким божественным творением, высеченным из света и тишины. Вершины её, покрытые вечными снегами, сияли такой ослепительной белизной, что казалось, будто сама гора парит в воздухе, ибо облака, густые и молочно-белые, стлались много ниже её пиков, и она, подобно огромному кораблю, плыла в этом океане небесной синевы. Никогда прежде Маккена не видела столь величественного и вместе с тем умиротворяющего зрелища; в душе её, ещё недавно раздираемой криком и плачем, вдруг воцарилась та особенная, щемящая тишина, какая приходит лишь в минуты соприкосновения с вечной и неизменной красотой природы.

Подойдя ближе к подножию горы, она обнаружила ручей, что медленно, с ленивой истомой струился меж камней, и журчание его походило на древнюю, забытую богами музыку, которая не нуждается в словах, ибо говорит на языке, понятном лишь сердцу. Вода его, кристально чистая и прозрачная, как слёзы невинных младенцев, покрывала разноцветные камни, и каждый из них, омываемый этим холодным течением, казался драгоценным самоцветом, таящим в себе отблески ушедшего солнца. Маккена не смогла удержаться; она скинула с себя одеяния, изодранные и пропитанные гарью, и ступила в воду. Прохлада, обжигающе-нежная, коснулась её израненного тела, и она ощутила, как каждый мускул, каждая клетка, истерзанная долгой дорогой и невыносимой утратой, благодарно принимает это небесное прикосновение. Её истощённые руки нежно касались погружённых в воду чёрных, длинных волос, что разметались по плечам, словно траурный покров; уставшие ноги, ещё недавно дрожавшие от страха и холода, вдруг обрели покой, став неподатливыми и тяжёлыми, будто сама земля приняла их в своё лоно. Несколько мгновений она стояла неподвижно, закрыв глаза, и в этом безмолвии ей чудилось, что время остановилось, и мир вокруг неё, на миг забыв о своих бедах, обратился в тихую, благословенную вечность.

Немного придя в себя и ощутив, что силы начинают понемногу возвращаться, Маккена решила устроить ночлег у подножия горы. Она собрала немного диких ягод — горьковатых, но сочных, — что росли у самых скал, и, подкрепившись этой скудной пищей, устроилась удобнее на мягком мху, укрывшись своей накидкой. Природа вокруг неё дышала спокойствием, и казалось, даже ветер, пробежавший по верхушкам деревьев, старался не тревожить её покой, словно понимая, как тяжела ноша, которую несёт эта одинокая женщина.

Это была необычайно красивая, но холодная и одинокая ночь. Небо, ещё недавно затянутое багровым дымом, очистилось и теперь сияло мириадами звёзд, каждая из которых мерцала с той далёкой и равнодушной красотой, что не знает ни людских бед, ни человеческих слёз. Маккена лежала, окутавшись накидкой, и не сводила глаз с этих холодных светил. В её глазах накатывались слёзы — те самые, что рождаются не от боли, но от того всеобъемлющего и бес-

просветного отчаяния, когда человек осознаёт, что он остался один в этом огромном мире, и что ни одна звезда, ни одно небесное тело не придёт ему на помощь. Сердце её, казалось, почти перестало биться, задавленное тяжестью утраты; и лишь одно — одна-единственная искра — не давала ему остановиться окончательно. Ребёнок. Тот, кто ещё не родился, но уже был для неё всем. Плод любви, ради которой она когда-то, в давние и счастливые времена, совершила побег из родного дома, бросив вызов отцу и всему свету.

Она вспоминала, как много лет назад, ещё совсем юной и безрассудной, она покинула отчий кров, чтобы последовать за человеком, которого полюбила вопреки всему; как они сидели вместе, и каждое мгновение той непростой жизни было наполнено таким счастьем, какого она не знала ни до, ни после. И лишь спустя долгие годы, когда отец её, смягчившись, принял их брак и позволил вернуться в Фард, она обрела дом. Но теперь, когда всё это осталось позади — и отец, и муж, и город, и сама жизнь, казавшаяся столь прочной, — перед ней простиралось лишь пустое, чёрное поле будущего, которого она боялась больше, чем мечей воинов Северного племени.

«Как мне дальше быть? — думала она, глядя в бездонное небо. — Что мне делать? Куда идти? И есть ли вообще для меня место в этом мире, если весь мир, который я знала, обратился в пепел?»

Согнувшись под плащом, она заплакала, и слёзы эти были горькими, как полынь, и тёплыми, как последнее дыхание жизни. Но природа, этот вечный и безмолвный утешитель, приняла её боль; журчание ручья, подобно колыбельной, которую поёт мать, убаюкивало её, и Маккена, смирившись, наконец, со своей утратой, погрузилась в сон.

И во сне она увидела Фард. Тот самый, каким он был прежде — цветущий, радостный, полный жизни. Она бродила по его вымощенным камнем улицам, видела уютные веранды белых домиков с соломенными крышами, вдыхала аромат цветов, что продавались в лавочках у приветливых торговцев. Она видела замок своих родителей — величественный и гордый, каким он стоял до той проклятой ночи. И лица родных и близких, убитых и ушедших, являлись ей в этом сне с такой отчётливой ясностью, что ей казалось, будто они живы, будто ничего не случилось, и все они, счастливые и беззаботные, ждут её у ворот замка, чтобы разделить с ней радость возвращения. Но чем глубже она погружалась в сон, тем яснее становилось ей, что лица эти — лишь тени, лишь обман, и что за ним, за этим прекрасным видением, стоит холодная и безжалостная явь. Слёзы накатывались на её глаза даже во сне; она плакала, не просыпаясь, ибо боль её была столь сильной, что не поддавалась ни времени, ни утешению, ни даже забвению, которое сулит сон.

Но вот ночь, и без того тёмная, стала ещё чернее. Тяжёлые, свинцовые тучи начали собираться над вершиной Мелей, неся с собой холод и влагу. Первые капли дождя, словно слёзы невинных душ, убитых в Фарде, упали на лицо Маккены, и она, вздрогнув, проснулась. Дикий холод пронзил её до костей; ветер, прежде тихий и ласковый, теперь завывал с той яростной силой, какая бывает лишь в преддверии бури. Она взглянула на небо: чёрные тучи клубились над нею, и среди них вспыхивали молнии, озаряя их зловещие очертания багровыми сполохами. Вдали слышались раскаты грома — сначала глухие, далёкие, но с каждой минутой всё ближе и громче.

Маккена, охваченная внезапным страхом, поспешила покинуть подножие горы. Она стала подниматься вверх по склону, цепляясь руками за мокрые камни и корни деревьев, но чем выше она поднималась, тем сильнее становилась гроза. Дождь хлестал её по лицу, ветер рвал одежду, а гром гремел так, что, казалось, сами небеса разверзлись над её головой.

— Как же страшно! — оглянувшись назад, всхлипнула она, и голос её потерялся в шуме бури. — Я никогда не боялась грозы, пока ты был рядом со мной, мой любимый! Но ты покинул меня! И теперь ничто не может защитить меня и успокоить!

Страх всё сильнее сковывал её душу, но даже в этом всепоглощающем ужасе она отказывалась молиться. Она не могла обратиться к Тому, кто, как ей казалось, предал её, кто отвернулся от неё и от её города. Гордость её, последнее, что осталось от прежней Маккены не позволяла ей склонить колени перед Богом, который не услышал её молитв.

Гроза между тем усиливалась. Бедная, обессиленная, голодная и полураздетый, она блуждала по лесистым склонам горы Мелей, не ведая ни пути, ни цели. Она спотыкалась о корни, падала, вставала и шла снова, движимая лишь одним — животным страхом, что гнал её вперёд. И когда силы её совсем оставили, она вдруг очутилась на высоком и открытом месте, где земля обрывалась в пропасть.

То была Скала смерти — мрачное, зловещее место, о котором ходили дурные слухи. Чёрные пещеры зияли в её склонах, словно пустые глазницы, а внизу, где камни уходили в бездну, с оглушительным грохотом низвергался водопад Фарэй. Шум его был столь силен, что заглушал даже удары грома, и этот дьявольский хор пугал Маккenu до глубины души.

Ей стало ещё страшнее. В отчаянии, полагая, что час её настал, она приблизилась к самому краю скалы и упала на колени. Она смотрела на грозное небо, и душа её, измученная и опустошённая, жаждала смерти. Но даже в этот последний миг, когда казалось, что всё кончено, она понимала: если она умрёт, то умрёт и то единственное, что осталось ей от мужа, — их дитя, то маленькое сокровище, что она носила под сердцем. Тогда, в последний раз решив испытать судьбу, она воздела руки к небу.

— О, Господь! — закричала она в голос, и слова её, заглушаемые ветром и водопадом, понеслись в пустоту. — В чём же моя вина? Чем я прогневала тебя? Что я сделала такого, что осталась совсем одна в этом мире? Неужели такова моя судьба — допить чашу горя до самого дна? Неужели ты не видишь, что ношу я под сердцем невинное дитя, что оно не виновато в этом ужасе, что оно не заслужило смерти?

Слёзы ручьём текли по её лицу, но небо молчало. Ветер не стихал, и водопад ревел с прежней силой, и в этом рёве ей слышался ответ — холодный, равнодушный, безжалостный. И тогда, отчаявшись, она вскрикнула в последний раз:

— Неужели мой час настал! Помоги мне! Кто бы ни услышал меня — Господь или дьявол! Я готова поставить свою душу на чашу весов, лишь бы всё это прекратилось! Помогите мне!

Но чем громче она кричала, тем яснее понимала, что никто не придёт на её зов. Силы оставляли её; она подползла к самому краю скалы и, обессиленная, упала на холодные камни. И в последний миг, когда сознание уже начало покидать её, она прошептала, обращаясь к пустоте:

— Видно, такова моя смерть... Даже она жестока ко мне. Если так, то я принимаю её. Забери меня, Ангел смерти! Забери и мою боль, и мои печали. Пусть душа моя и душа моего не рождённого дитя соединятся с теми, кого я любила. Пусть не здесь, но на небесах мы обретём покой...

С этими словами она закрыла глаза, обхватив руками свой живот, и тело её, обессиленное и холодное, обмякло на камнях. Лишь ветер, как верный и печальный друг, развеивал её

прекрасные чёрные локоны, и голос его, завывающий над пропастью, казался песней — песней несбывшейся мечты, вечной тоски и угасшей любви.

Глава 3. «Сделка»

Прошло несколько часов, а может быть, и целая вечность — кто может измерить время там, где смерть уже коснулась своим крылом человеческой души? Бездыханное тело Маккены по-прежнему лежало на скале Смерти, и ничто не нарушало этого ледяного покоя. Но природа, чуткая к переменам, предчувствовала нечто необычное. Чёрные тучи продолжали вольно и горделиво сгущаться над горой, но утро всё не наступало; мир, казалось, замер в тревожном ожидании, окутанный страхом и предчувствием того, что должно вот-вот случиться.

И тогда, когда ветер чуть стих, а тьма стала почти осязаемой, случилось нечто, чему нет имени в языке смертных. Красные лучи, словно кровь, пробившаяся сквозь свинцовую пелену облаков, начали озарять скалу. То был не рассвет — свет этот был чуждым, неестественным, пугающим своей красотой. Небеса окутались в багряный наряд, и среди туч, рассекаемых прямыми, как копья, молниями, стали появляться тени. Сначала их было мало — одна, две, три, — но с каждым ударом грома их становилось всё больше. Чёрные, стремительные, они кружили над телом Маккены, словно стая воронов, ищущих поживу, но не решающихся приблизиться.

Гром грянул в последний раз — страшный, оглушительный, такой силы, что сами скалы, казалось, содрогнулись, — и вдруг всё стихло. Исчезли тучи, исчезли молнии, исчезли тени. Только одно-единственное, яркое, ослепительно-красное свечение пронзило небеса и устремилось вниз, к телу молодой женщины. Луч окутал её, и в этом неземном сиянии она казалась не мёртвой, но спящей, ожидающей пробуждения.

По этому лучу, медленно и величаво, начала спускаться фигура. Она была чёрной — чернее самой ночи, чернее самой глубокой бездны. Это была не просто тень: это было воплощение самой смерти, но смерти не как конца, а как перехода, как тайны, которую никто из живущих не в силах постичь. Когда фигура коснулась земли, свет погас, и на скале, рядом с бездыханным телом Маккены, стоял Ангел смерти. Одежды его струились, как грозное ночное небо, и в глубине их, казалось, переливались далёкие звёзды, холодные и равнодушные. Глаза его горели ярким, нестерпимым пламенем, но в этом пламени не было ни злобы, ни жестокости — была лишь вечность, бесконечная и неизменная. За спиной его простирались два огромных чёрных крыла, и каждое перо их было подобно острию меча, отточенного веками. В руках же он держал самый большой из всех клинков, что когда-либо видел мир, — сверкающий и горящий адским огнём, и от него исходила такая сила, что сама земля под ногами его, казалось, содрогалась.

Он наклонился над телом Маккены и что-то прошептал, но слова эти были не для человеческого слуха. И вдруг — она очнулась. Веки её дрогнули, и она открыла глаза, полные того странного, первобытного ужаса, какой испытывает живое существо, впервые увидевшее смерть лицом к лицу.

— Где я? — прошептала она, и голос её был едва слышен. — Кто здесь?

Она огляделась и увидела его — эту чёрную, нечеловеческую фигуру, стоящую над ней. В первое мгновение она хотела закричать, но крик застрял в горле. Она хотела бежать, но тело её не слушалось. И тогда, собрав последние силы, она произнесла:

— Кто вы? Что вам нужно? Не подходите ближе, или я спрыгну вниз!

И в голосе её, несмотря на страх, звучала та особая решимость, которая отличает тех, кто уже успел побывать у самой черты и не боится переступить её.

Ангел поднял голову, и в глазах его, горящих пламенем, мелькнуло нечто похожее на удивление.

— Давно никто не зывал ко мне, — произнёс он голосом холодным и равнодушным, как ледяной ветер, дующий над вечными снегами. — Ты звала, и я пришёл.

Маккена смотрела на него, и страх её постепенно уступал место другому чувству — надежде, той самой, которую она уже похоронила в своём сердце.

— Кто вы? — спросила она вновь, и голос её дрожал.

— Я Азраэль, — ответил он. — Я тот, кто единственный услышал твою мольбу. Я — ангел смерти.

Маккена закрыла глаза, и из груди её вырвался вздох, в котором смешались и облегчение, и горечь.

— Ангел смерти, — повторила она. — Значит, час мой настал. Что ж, я готова. Я не боюсь умереть. Но я умоляю тебя, — она упала на колени и протянула к нему руки, — спаси моего ребёнка! Я готова отдать свою душу, я готова на всё, лишь бы он жил!

Азраэль смотрел на неё сверху вниз, и в его пламенеющих глазах не было жалости — то, что он чувствовал, было старше и глубже жалости. Он видел миллионы смертей, он уносил души королей и нищих, воинов и младенцев, но такой мольбы — чтобы жизнь другого была куплена ценой собственной смерти — он слышал нечасто. Взгляд его упал на её живот, и он заметил, что плод уже созрел и вот-вот должен был появиться на свет. Душа этого дитя была ещё чиста, ещё не запятнана грехами и страстями земного мира, и она принадлежала не ему, а Богу, Тому, кого Маккена так яростно отвергла.

— Я не могу разделить тебя с твоим чадом, — произнёс он наконец, и голос его стал чуть мягче, словно в нём пробилась нота, которой не было прежде. — Душа его невинна, и она принадлежит Господу. Но я могу спасти вас обоих.

— Обоих? — переспросила Маккена, и в глазах её зажглась та самая надежда, которая казалась уже навеки утраченной. — Ты можешь спасти нас?

— Да, — ответил Азраэль. — Но не просто так. Я помогу тебе, но возьму за это свою цену. Я верну тебе былую честь и славу. Ты вновь вернёшься в Фард, будешь жить в роскоши, помогать бедным и не будешь ни в чём нуждаться. Дитя твоё родится здоровым и будет самым красивым во всех землях Эридании. Но взамен, когда придёт срок, я явлюсь к тебе и заберу то, что мне будет нужно. Такую цену я возьму за свою благодать.

Маккена молчала. Она смотрела на этого чёрного ангела, и душа её металась между страхом и желанием жить. Она знала, что заключать сделку с ангелом смерти — безумие, что цена может оказаться слишком высокой, что она может пожалеть об этом решении. Но когда она вспомнила о своём ребёнке, о том маленьком чуде, что ещё не родилось, но уже было всем для неё, она поняла: у неё нет выбора.

— Я согласна, — произнесла она твёрдо, и голос её не дрогнул. — Я согласна на всё. Только спаси моего сына.

— Сделка заключена, — ответил Азраэль. — Теперь встань с колен и ступай домой, Маккена. Но сначала возьми вот эту книгу.

Он протянул ей древний том, переплетённый в чёрную кожу, на которой не было ни букв, ни знаков, но от которой исходила такая сила, что Маккена почувствовала её всем телом.

— Пусть эта книга будет в твоём мире, — сказал ангел. — Так я смогу найти тебя, когда придёт время.

Она взяла книгу дрожащими руками и прижала её к груди.

— Благодарю тебя, о, великий! — прошептала она.

— Теперь ступай домой, — повторил Азраэль. — Иди и не оборачивайся. И запомни: никто из ныне живущих не должен знать, что ты обратилась ко мне. Иначе — быть беде.

Маккена кивнула, поднялась на ноги и, не оглядываясь, побрела вниз по склону. А ангел смерти стоял неподвижно и смотрел ей вслед, и в глазах его, горящих вечным пламенем, теплилась тайная мысль, которую не дано понять никому из смертных.

— Ступай, Маккена, — произнёс он, уже обращаясь к пустоте. — Совсем скоро ты получишь то, о чём просила.

И с этими словами он растворился в пучине чёрного, грозового неба, оставив после себя лишь запах озона и тихое, почти неслышное эхо, которое ветер разнёс по скалам.

Глава 4. «Новая жизнь»

Наступил рассвет, и первые лучи солнца, золотые и робкие, словно боязливые странники, пробились сквозь пелену ночного тумана и озарили вершину горы Мелей. Маккена, всё ещё стоявшая на краю той бездны, из которой она, казалось, не могла выбраться, вдруг ощутила, как тепло проникает в её остывшее тело, согревая бледное, измождённое лицо. Она подняла глаза к небу, и в этом восходящем свете ей почудилось нечто большее, чем просто наступление дня — ей почудилось обещание, тихое и неясное, но всё же обещание того, что ужас, пережитый ею, остался позади. Впервые за многие дни она вздохнула полной грудью, и воздух, наполненный свежестью горных трав и влагой водопада, не обжёг лёгкие, как прежде, а наполнил их живительной силой.

Она поспешила покинуть скалу Смерти, и на этот раз спуск её был лёгок и стремителен. По мере того как она удалялась от того проклятого места, она всё чаще останавливалась, чтобы взглянуть на водопад Фарэй, что низвергался вниз с оглушительным, но теперь уже не пугающим, а величавым грохотом. Блики солнечного света играли на его струях, превращая воду в тысячи сверкающих алмазов, и Маккена, глядя на это зрелище, не могла не признать, что красота его была неземной.

«Как прекрасен и величественен этот водопад, — подумала она с той странной лёгкостью, какая приходит к человеку, пережившему смерть и возродившемуся заново. — Тогда, в ночь ужаса, я слышала в его рёве лишь голос отчаяния. Но теперь я слышу иную музыку — музыку возрождения. Как странно, что одно и то же явление может быть столь разным, смотря по тому, что в душе у того, кто на него взирает».

Она покинула гору Мелей, попрощавшись с её суровыми вершинами и мрачными пещерами, и направилась в сторону Фарда. Но теперь она шла не с тем отчаянным, почти животным страхом, какой гнал её прочь от родного города; теперь она шла в предвкушении — тревожном, но полном надежды — новой жизни, какой бы она ни была. В душе её, ещё недавно пустой и выжженной, затеплился тот самый огонёк, о котором говорится в древних сказаниях: слабый, почти незаметный, но неистребимый.

Она так спешила, что и сама не заметила, как вновь оказалась у ворот Фарда. И когда она вступила на знакомые улицы, сердце её сжалось от смешанного чувства радости и боли. Дым, некогда заволакивавший весь город, рассеялся; запах гари, столь въевшийся в её одежду и волосы, почти исчез, и воздух казался чистым, будто пожара и вовсе не было. На улицах вновь кипела жизнь — люди, оставшиеся в живых, восстанавливали свои жилища, торговцы вновь открывали лавки, и хотя голоса их звучали тише, чем прежде, в них уже не было той безысходности, что царил в первые дни после трагедии.

Но память о случившемся была жива. На дверях уцелевших домов висели траурные венки, и там, где ещё недавно стояли уютные жилища, зияли пустоты — чёрные, как раны, проплешины, засыпанные пеплом. Эти места, напоминавшие о тех, кто покинул этот мир в ту страшную ночь, были как молчаливые свидетели, и каждый шаг Маккены по знакомым улицам отзывался в её душе тихим, но невыносимым эхом.

И вдруг, среди этой суеты и печали, она увидела её. Фраду. Старшую сестру, которую она не видела уже много месяцев, — ту, что выбрала путь служения Богу и в момент нападения на

Фард находилась в храме-монастыре священнослужителей Боббио, вдали от городских стен. Маккена остановилась как вкопанная, не в силах поверить своим глазам.

— Фрада! — вскрикнула она, и голос её, сорвавшийся на шёпот, дрожал от слёз, которые уже начинали застилать взор. — Боже! Неужели это ты? Как я рада, что ты жива!

Сестра обернулась, и в глазах её, столь похожих на глаза Маккены, сверкнула такая же радость, смешанная с болью. Они бросились друг к другу, и в этом объятии, долгом и крепком, смешались все их горести и все надежды.

— Маккена, родная! — шептала Фрада, глядя сестру по волосам. — Я думала, что ты, как и наши родители, не пережила ту страшную ночь. Я была так опечалена, я думала, что осталась совсем одна на этом свете. Но Господь услышал мои молитвы, и теперь мы снова вместе!

— Фрада, — промолвила Маккена, отстранившись и заглянув в глаза сестры с той особенной серьёзностью, какая появляется у человека, принявшего важное решение, — прошу тебя, больше не покидай меня. Вместе мы начнём новую жизнь. К тому же, скоро на свет появится мой ребёнок, и мне нужна будет твоя помощь.

Фрада улыбнулась сквозь слёзы и кивнула.

— Хорошо, Маккена. Не переживай. Я не покину тебя. Я всегда буду рядом.

Они поспешили к замку, но по мере приближения к знакомым стенам Маккена начала замечать нечто странное. На улицах, прилегающих к королевскому дворцу, всё чаще попадались воины в чуждых доспехах — грубых, сшитых из тёмной кожи, с металлическими пластинами, на которых не было герба Фарда. Маккена похолодела.

— Фрада! — прошептала она, хватая сестру за руку. — Что это такое? Что здесь произошло в моё отсутствие?

Фрада вздохнула, и в глазах её, прежде ясных, появилась тень страха.

— Ой, сестрица, — сказала она, понижая голос, — когда я сюда вернулась, я увидела, что всех оставшихся в живых собрали на главной площади. Там выступал Никанор, главный воин и правая рука вождя Северного племени — Флегонта. Он призывал всех подчиниться новой власти и склонить головы перед победителем. Взамен он пообещал, что Флегонт сохранит жизнь тем, кто подчинится, и дарует прощение. А тем, кто откажется, — пообещал отрубить головы.

— Как?! — воскликнула Маккена, и голос её, сорвавшись на крик, заставил прохожих обернуться. — Теперь мы обязаны подчиниться Флегонту? Фрада, опомнись! Они убили наших родителей, моего супруга, вырезали почти всех мужчин в Фарде. Как я могу быть покорной врагу? Как я могу склонить голову перед тем, кто разрушил мою жизнь?

— Маккена, — тихо, но настойчиво сказала Фрада, — это единственный способ сохранить жизнь и нам, и твоему ещё пока не рождённому ребёнку. Я слышала, что Никанор знает, что ты жива, и он ищет тебя. Поверь, милая, тебе лучше самой прийти в замок и поклониться ему. Тогда он помилует тебя.

— Поклониться?! — переспросила Маккена с таким презрением, что даже Фрада невольно отшатнулась. — Да как у тебя язык повернулся такое сказать?

— Именно, поклониться и принять свою судьбу, — раздался позади них голос, холодный и чёрствый, как сталь, только что вынутая из ножен.

Они обернулись. Маккена похолодела, узнав эту фигуру. Никанор стоял в нескольких шагах от них, и в глазах его, светлых и холодных, как зимнее небо, не было ни капли тепла. Воинственный, высокий, светловолосый, в сверкающих доспехах, которые, казалось, впитали в себя отсветы пожарищ, он был красив той суровой, опасной красотой, что пугает и притягивает одновременно.

Маккена не выдержала этого взгляда. От волнения и страха, нахлынувших внезапно и с непреодолимой силой, она покачнулась, и сознание покинуло её. Она упала бы на камни, но Никанор, оказавшийся рядом быстрее, чем можно было подумать, подхватил её на руки. Его движения были резкими, но в том, как он держал её, чувствовалась едва заметная, почти невольная осторожность.

— Следуйте за мной, — приказал он Фраде, и голос его не терпел возражений.

Фрада, стиснув зубы, пошла за ним, и в душе её, смиренной и кроткой, впервые за долгое время вспыхнула искра гнева. Она видела, как Никанор нёс её сестру, и ей казалось, что в этом жесте есть нечто большее, чем простая забота о пленнице. Но она молчала.

В замке, куда они вошли, кипела работа. Люди Флегонта, суетливые и деловитые, восстанавливали разрушенные лестницы, залы и коридоры. Они не обращали внимания на Фраду, и она, не показывая виду, что напугана, уверенно следовала за Никанором. Они прошли через первый этаж, затем поднялись по восточной лестнице в то крыло, где когда-то находилась комната Маккены.

Никанор открыл дверь резким ударом ноги, вошёл в покои и, подойдя к кровати, аккуратно — Фраде даже показалось, что с особой нежностью — опустил бездыханное тело сестры на мягкое ложе. Затем он повернулся к Фраде и холодно произнёс:

— Вы будете ухаживать за ней. Обеспечьте ей всё необходимое. За ней будут присматривать слуги. И запомните: она не должна покидать эти покои до моего особого распоряжения.

Фрада молча кивнула. Никанор бросил последний взгляд на Маккenu, что-то мелькнуло в его глазах — тень былых чувств или просто отблеск свечей, — и он поспешно удалился, чтобы послать гонца к Флегонту с вестью о том, что дочь покойного короля Натана жива и находится в замке.

Дни потянулись медленно, как вода в стоячем пруду. Фрада и слуги, приставленные Никанором, ухаживали за Маккеной, которая, очнувшись, была всё ещё слаба и обессиленна. Её кормили и поили, на раны, полученные во время бегства, накладывали целебные мази и настои. По вечерам Фрада читала сестре книги, которые Маккена любила с детства, и голос её, тихий и ровный, создавал иллюзию спокойствия.

Но ночи были иными. Когда в замке наступала тишина, когда все, кроме стражников, погружались в сон, Маккена подходила к окну и, глядя на луну, предавалась воспоминаниям.

Она вспоминала своего супруга Памфила, которого так жестоко убили воины Флегонта; она видела его лицо, его улыбку, ощущала тепло его рук. Она вспоминала отца, короля Натана, мудрого и доброго, и мать Юстину, чьи глаза всегда светились любовью и пониманием. Они дали ей всё, что могли дать родители, и теперь их не было. Тоска окутывала её, как саван, и печали её не было конца и края.

— Когда это всё закончится? — прошептала она однажды ночью, обращаясь к пустоте. — Я словно птица в клетке. В любимой клетке, но всё же в клетке. Когда же приедет этот проклятый Флегонт? Когда же он лишит меня жизни? Почему этого нельзя было сделать сразу? Зачем меня держат здесь?

Но ответа не было.

И в одну из таких ночей, когда Фрада уже спала, укутавшись в тёплое одеяло, а Маккена стояла у окна, погружённая в свои горестные думы, дверь тихо отворилась, и в покои вошёл Никанор.

— Госпожа, — произнёс он шёпотом, — вам что-нибудь нужно?

Маккена не обернулась.

— Нет, — ответила она глухим голосом. — Мне ничего не нужно от убийцы моего возлюбленного.

Никанор медленно приблизился и, остановившись позади неё, мягко, но настойчиво развернул её к себе. Он заглянул в её глаза, и в этом взгляде была такая смесь торжества и горечи, что Маккена невольно содрогнулась.

— Видишь, Госпожа, — произнёс он, и голос его звучал почти ласково, — как бывает переменчива жизнь. Ещё несколько дней назад ты была такой гордой, такой неприступной, и вот теперь ты сломлена и замучена горем. Ты выбрала не того человека, Маккена. Если бы ты была моей, я смог бы защитить и тебя, и твоих родителей. Но ты предпочла Памфила. А я, — в голосе его послышалась едва сдерживаемая боль, — я ждал тебя тогда, в ночь накануне твоей свадьбы. Я, как последний дурак, стоял у ворот Фарда и ждал, что ты выйдешь ко мне, что ты уедешь со мной. Но ты предала меня. За что? Я ведь так любил тебя!

Маккена подняла на него взгляд, и в нём, несмотря на усталость, зажглась искра прежней гордости.

— Я думала, что люблю тебя, Никанор, — сказала она медленно, с расстановкой, словно каждое слово стоило ей невероятных усилий. — Но когда ты предал моего отца и стал служить Флегонту, я поняла, что не смогу жить с предателем. Ты выбрал свою дорогу, я — свою.

Никанор опустил глаза. В его лице, обычно непроницаемом, мелькнуло что-то похожее на смятение.

— Ты единственная, кого я любил всю жизнь, — произнёс он тихо, почти неслышно. — И именно поэтому ты ещё жива. Мои люди могли убить тебя, как только ты приблизилась к замку, но по моему приказу они отступили. Я спас тебя, Маккена. И я продолжу спасать тебя, если ты будешь слушаться меня.

Он сделал паузу, и в глазах его появился тот холодный, расчётливый блеск, который так пугал Маккену.

— Но подумай, — добавил он, — о Фраде. Неужели ты не хочешь, чтобы она осталась жива? Если тебя казнят, её ждёт та же участь. Ты — законная наследница Фарда, и она твоя сестра. Если ты будешь сопротивляться новой власти, то и её голова, и твоя, будут висеть на главных воротах как пример неподчинения. А твой брат, Парфён, которого мы нашли в подвале замка, где он пытался спрятаться, будет четвертован на главной площади у всех на глазах.

Маккена закрыла глаза. Слезы, горячие и безудержные, потекли по её щекам.

— Я... — начала она, и голос её прервался. — Я готова... Только ради Фрады и Парфёна я готова пойти на все условия, что скажет мне Флегонт.

На лице Никанора появилась довольная, почти хищная ухмылка. Он протянул руку и нежно, почти ласково, стёр слезы с её лица.

— Вот и правильно, — сказал он. — Ты в положении, Госпожа, и лишние волнения тебе ни к чему. Я обо всём позабочусь. До тех пор, пока не прибудет Флегонт, не покидай своих покоев — так будет безопаснее для тебя и твоего ребёнка. В этом замке многие хотят твоей смерти, но пока ты со мной и слушаешься меня, тебе ничего не угрожает. Я буду навещать тебя, Маккена. А сейчас я должен идти.

Он наклонился и поцеловал её в лоб — коротко, но с той особенной интимностью, которая выдавала былую близость. Затем развернулся и вышел, оставив Маккену одну.

Когда дверь за ним закрылась, Маккена медленно сползла на пол. Ком в горле не позволял ей произнести ни слова, и только слёзы, неудержимые и горькие, потоком вырывались из её глаз. Она сидела так несколько мгновений, пока не услышала голос сестры.

— Маккена! — воскликнула Фрада, вскочив с тахты. — Что с тобой? Кто к тебе приходил? Это был Никанор? Что он говорил тебе?

Маккена подняла на сестру заплаканное, но уже твёрдое лицо.

— Да, Фрада. Это был он.

— Нас казнят? — голос Фрады дрогнул. — Маккена, прошу, скажи мне, не молчи!

— Нет, Фрада, — произнесла Маккена, и в голосе её послышалась та странная, почти пугающая уверенность, которая рождается лишь в моменты великого решения. — Мы будем жить. Мы все будем жить — и я, и ты, и Парфён. Его нашли в подвале замка, он жив. Мы будем жить, Фрада. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы ваша жизнь была долгой и лёгкой. Ради тебя и брата я готова на всё.

Фрада упала на колени возле сестры и схватила её за руки.

— Маккена, милая! — вскрикнула она. — Что с тобой? Ты ли это? Не ты ли хотела мести? Не ты ли говорила, что никогда не подчинишься Флегонту? А как же наши родители? Как же те, кто погиб?

Маккена посмотрела на сестру, и в глазах её блеснула та самая искра, которую Фрада никогда прежде не видела.

— Да, Фрада, — тихо, но твёрдо сказала она. — Я говорила это. И от своих слов я не отказываюсь. Придёт время, и Флегонт пожалеет о том, что он сделал с нами и с нашими близкими. Но сейчас мы должны слушать Никанора и во всём потакать Флегонту. Иначе нас казнят, и мы никогда не сможем отомстить за смерть жителей Фарда и наших родителей. Ты должна верить мне, сестра. Ты должна верить и слушать меня. Тогда месть не заставит себя долго ждать.

Фрада молчала, глядя на сестру. В душе её боролись страх и надежда, смирение и гнев. Но она видела в глазах Маккены нечто такое, что заставило её поверить.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Я подчинюсь твоей воле, сестра. Я надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— Я знаю, — ответила Маккена. — Теперь всё зависит от Никанора. Мы должны слушать его. Завтра я попрошу у него перепись живых и убитых жителей Фарда. Я должна знать, кто ещё может встать на мою сторону, когда придёт время.

— Я поняла тебя, — кивнула Фрада. — Если нужна будет моя помощь, я готова на всё.

— Хорошо, сестра, — сказала Маккена. — Но сначала я прошу тебя: найди нашего брата Парфёна. Убедись, что с ним всё в порядке. Когда увидишь его, скажи, что я жива и моей жизни ничего не угрожает. Попроси, чтобы он при первой возможности навестил меня.

— Да, Госпожа, — Фрада склонила голову, и в этом жесте было не просто сестринское послушание, но признание новой власти. — Я поняла вас. — И ещё, — добавила Маккена, — мне нужно найти повитуху. Скоро придёт срок, и я должна быть уверена, что роды пройдут успешно.

Фрада кивнула, но в глазах её мелькнула тень сомнения.

— Я всё сделаю, как вы прикажете.

Она уже повернулась, чтобы уйти, но Маккена остановила её.

— Фрада, — сказала она, и голос её стал тише, — скажи мне, священник Меер ещё жив?

Фрада удивлённо подняла брови.

— Да, сестра. Но зачем он тебе?

— Приведи его в замок, ко мне, — ответила Маккена. — Скажи, что дело серьёзное.

— Но что случилось? — испуганно спросила Фрада. — Тебе угрожает опасность?

— Нет, — ответила Маккена, и в голосе её слышалась тайна. — Я должна передать ему нечто, что не должно попасть в чужие руки. То, что спасло мне жизнь.

Фрада хотела спросить, что же это такое, но в этот момент в дверь постучали.

— Госпожа, вы уже спите? — слышался голос Никанора.

Фрада поспешно открыла дверь.

— Нет, — ответила она, стараясь, чтобы голос её звучал ровно, — Госпожа пытается помолиться перед сном, но без священника молитва не имеет силы.

Никанор вошёл в покои и посмотрел на Маккenu, которая, собрав всю свою волю, сидела на кровати с таким видом, словно ничего не произошло.

— Что ж, — сказал он медленно, и в глазах его мелькнуло что-то похожее на одобрение, — раз вам так нужен священник, я приведу его. На днях он навестит вас. А пока, — он сделал паузу, — ложитесь спать. Время позднее. Я обо всём позабочусь.

С этими словами он вышел, и дверь за ним закрылась с тихим, но окончательным щелчком.

Маккена и Фрада остались одни. Маккена закрыла глаза, и в душе её, среди страха и надежды, зарождался новый план. Она знала теперь, что выжить недостаточно — нужно было победить. И она была готова к этой борьбе, как бы долго и трудно она ни была.

Глава 5. «Тайна»

Ночь, опустившаяся на замок после разговора с Никанором, была наполнена не сном, но тягостным бдением. Маккена и Фрада долго не могли сомкнуть глаз: каждая из них, погружённая в собственные думы, переживала о будущем, которое казалось столь же зыбким и неопределённым, как пламя свечи на сквозняке. Они лежали в полумраке, разделённые лишь тишиной, и каждый шорох, каждый скрип половиц заставлял их сердца биться чаще.

Но Фраду, при всей её внешней кротости и смирении, мучила одна мысль, которая не давала ей покоя, сверлила её сознание, словно червь, точивший древесину. Что же такое хотела передать священнику Маккена? Что за тайна, столь важная, что даже ей, родной сестре, не была открыта? Фрада ворочалась с боку на бок, но сон не шёл, и наконец, не в силах более терпеть эту неизвестность, она села на своей тахте и тихо окликнула сестру.

— Сестрица, — начала она шёпотом, стараясь не привлекать внимания стражников за дверь, — я знаю, что сейчас не время, но прошу тебя, поведай мне, что же ты скрываешь? Что за тайну ты хочешь доверить священнику? И вообще, что случилось с тобой в ту ночь, когда ты исчезла из Фарда? Куда ты пропала, когда мы все думали, что ты погибла? Прошу тебя, расскажи мне. Я не могу больше жить в неведении.

Она подошла к кровати Маккены и опустилась на колени, глядя на сестру с такой мольбой, что Маккена, даже если бы хотела, не смогла бы остаться равнодушной.

— Я обещаю тебе, — продолжала Фрада, и голос её дрожал, — я буду хранить эту тайну до конца своих дней, я унесу её с собой в могилу, если потребуется. Но я должна знать, что происходит. Ведь я тоже здесь, и я тоже в опасности.

Маккена долго молчала. Она смотрела на сестру, и в душе её боролись страх и доверие. Она знала, что, открыв эту тайну, она подвергает опасности не только себя, но и Фраду. Но она видела в глазах сестры такую преданность, такую искреннюю тревогу, что не могла ей отказать.

— Тише, Фрада, — сказала она наконец, и голос её был тихим, но твёрдым. — Если кто-нибудь услышит нас, меня сожгут на костре, как ведьму.

— Ведьму? — Фрада побледнела и схватила сестру за руку. — Маккена, ты в своём уме? Что ты такое говоришь? Прошу тебя, не пугай меня!

Они пересели на мягкую шкуру у камина, где догорали угли, и Маккена, собравшись с духом, начала свой рассказ. Голос её был ровным, но в нём чувствовалась та особенная тяжесть, какая бывает у человека, который пережил нечто, не поддающееся описанию.

— Когда я поняла, что моя жизнь в опасности, — начала она, глядя в огонь, — я была вынуждена бежать. Я не знала, куда иду: весь город был охвачен пламенем, дым застилал глаза, и я почти ничего не видела. Я бежала так быстро, что даже не заметила, как покинула Фард. Когда я убедилась, что за мной никто не гонится, я немного успокоилась и решила укрыться в лесу. Только там, среди деревьев, я могла найти хотя бы временное убежище.

Я долго бродила, не разбирая дороги. Ноги мои уже отказывались служить, но я продолжала идти, потому что остановиться значило умереть. И когда погода начала портиться, когда

небо затянуло тучами, а ветер завыл с той яростной силой, что бывает лишь перед бурей, я стала подниматься выше, в горы. Фрада, ты даже представить себе не можешь, какой ужас я пережила тогда. Гроза была столь сильной, что, казалось, сами небеса разверзлись, и молнии, что пронзали тьму, были подобны клинкам, которыми кто-то невидимый рубил мир на части. Я никогда в жизни не чувствовала себя такой одинокой и такой беспомощной.

Чем сильнее шёл дождь, тем выше я поднималась. Я цеплялась за мокрые камни, падала, вставала, снова падала — и снова вставала, движимая лишь животным инстинктом самосохранения. Наконец, я очутилась на самой высокой точке горы, там, где с оглушительным грохотом низвергается водопад Фарэй.

Шум воды, казалось, заполнял собой всё вокруг, заглушая даже раскаты грома, и в этом рёве мне слышался голос самой смерти, зовущей меня к себе.

Я увидела выступ, тот самый, что находится рядом с водопадом. Это было место, о котором ходят дурные слухи. Я знала, что это — скала Смерти, и что никто из ныне живущих не возвращался оттуда. Но я была так измучена, так отчаянна, что решила: лучшего места для последней молитвы не найти. Я упала на колени и стала кричать, звать Господа.

Фрада слушала, затаив дыхание, и глаза её были широко раскрыты от ужаса.

— Маккена! — прошептала она. — Ты поднялась на скалу Смерти? Да, это же самое страшное место во всей округе! Говорят, там происходят такие вещи, что их даже нельзя произносить вслух, а звуки, что доносятся из пещер, слышны даже на окраинах Фарда. Мне рассказывали, что в древности воины поднимались туда, чтобы просить у высших божеств силы для битвы, но никто из них не возвращался. Скажи мне, что ты там увидела? Как тебе удалось остаться живой?

Маккена перевела дух и продолжила:

— Я кричала, Фрада. Я кричала так, что, казалось, голос мой разрывал тьму. Я молилась в последний раз, отдавая себя на волю Божью. Но он не услышал меня. Небеса молчали, и молнии сверкали всё реже, и гроза начала стихать. Я упала на камни, обессиленная, и потеряла сознание.

Но это было не просто забытьё. Мне приснился странный сон — или то было не сном, а явью, но я до сих пор не могу понять. Мне показалось, что небеса разверзлись, и из них, в кроваво-красных лучах, начали спускаться чёрные вороны. Огромные, размером с человека, они кружили надо мной, хлопали крыльями, и мне казалось, что они хотят склевать меня. Я хотела закричать, но не могла издать ни звука. И вдруг всё исчезло, и по тому же красному лучу начала спускаться тень. Она была огромной, и свет её был столь невыносимым, что я зажмурилась.

А когда я открыла глаза, тень стояла передо мной.

— И что же это была за тень? — спросила Фрада, и голос её дрожал. — Кто это был, Маккена?

— Это был он, Фрада, — ответила Маккена, и голос её стал твёрже, в нём появилась та странная, почти торжественная нотка, которая пугала и завораживала одновременно. — Тот, кто единственный услышал мою молитву. Азраэль. Ангел смерти.

Фрада вскрикнула и отшатнулась, закрыв лицо руками.

— Азраэль? — прошептала она. — Маккена, что ты наделала? Как ты могла обратиться к нему? Ведь это же... это слуга тьмы!

— Не говори так, — возразила Маккена, и в голосе её послышалась обида. — Он не был зол, Фрада. Он был... страшен, да, но не зол. Он помог мне. Он дал мне книгу, — она поднялась и достала из-под одежды плотный свёрток, — вот эту. Книгу печати Ангела.

— Что ты дала ему взамен? — спросила Фрада, и голос её был полон ужаса. — Такие сделки никогда не заключаются просто так. Что ты ему пообещала, сестра?

— Ничего, — холодно ответила Маккена, но в глазах её мелькнула тень сомнения. — По крайней мере, пока ничего. Он сказал, что когда придёт время, он явится и заберёт то, что ему будет нужно. Такова была его цена.

Она протянула книгу Фраде. Та взяла её дрожащими руками, но не решилась развернуть.

— Маккена, — сказала она, и голос её был тихим и твёрдым, — от этой книги нужно избавиться. Немедленно. Она не должна оставаться у тебя. Ты сама сказала, что Азраэль сможет с её помощью войти в этот мир. Если она останется здесь, она принесёт новые беды, и я боюсь, что они будут страшнее тех, что мы уже пережили.

Маккена молчала, глядя на книгу, что лежала на коленях сестры.

— Фрада, — сказала она наконец, и голос её был усталым, — ты права. Я хочу отдать её Мееру. Пусть он спрячет её в тайниках Боббио, так глубоко, чтобы даже я не могла найти её. Только тогда я смогу быть спокойной.

— Это разумно, — кивнула Фрада. — Но сначала его нужно привести сюда. И нужно сделать это как можно скорее, пока книга не навлекла на нас новую беду.

Они ещё долго говорили, но Маккена, измученная долгим днём и напряжением последних часов, наконец, начала клониться ко сну. Фрада уложила её, как ребёнка, и долго сидела рядом, глядя на спящую сестру. Но сама она не могла уснуть. Мысль о книге, о сделке с ангелом смерти, о том, что всё это может открыться и обернуться гибелью для них обеих, не давала ей покоя.

В конце концов, когда в замке воцарилась глубокая ночная тишина, Фрада приняла решение. Она тихо поднялась с тахты, оделась, накинула плащ, взяла свёрток с книгой и, крадучись, покинула покои. Ей нужно было любой ценой найти священника и передать ему книгу, прежде чем случится непоправимое.

Она прошла по тёмным коридорам, стараясь ступать бесшумно, и выскользнула из замка через боковую дверь, которую открыла ещё в первый день своего пребывания. Ночь была холодной и безлунной; только звёзды, равнодушные и далёкие, мерцали в вышине. Фрада поспешила к городским воротам, надеясь, что никто не заметит её.

Но судьба распорядилась иначе. У ворот, на окраине сада, она столкнулась с Петриной — старой, сварливой вдовой одного из подчинённых короля Натана, который, как и многие, пал смертью храбрых в ту проклятую ночь. Петрина была известна в городе своим тяжёлым характером, любовью к сплетням и ревностным отношением к церковным догматам. Фрада похолодела: это была последняя, кому она хотела встретиться.

— Куда это ты так спешишь в такое позднее время? — окликнула её Петрина, выходя из-за дерева, словно призрак. Глаза её, маленькие и колючие, сверлили Фраду. — И что это у тебя в руках?

Фрада замешкалась, но Петрина, женщина бойкая и решительная, не стала ждать ответа. Она шагнула вперёд, вырвала у Фрады из-за пазухи свёрток и развернула его.

— Что это? — проговорила она, и голос её стал угрожающим. — Отвечай мне, Фрада! Если ты скажешь неправду, я отдам тебя под церковный суд, и тебя сожгут священным огнём!

— Что ты? — испуганно воскликнула Фрада, падая на колени. — Прошу тебя, не надо! Я всё тебе расскажу, я скажу всю правду! Только пообещай мне, что никто не узнает об этом!

— Клянусь святым крестом, — Петрина перекрестилась с той особенной торжественностью, какую придавали себе религиозные ханжи, — я сохраню твою тайну, если ты не лжёшь.

И Фрада, не в силах более противиться, рассказала всё: о книге, о сделке Маккены с ангелом смерти, о том, как та оказалась на скале Смерти и как чудом осталась жива. Она говорила, задыхаясь, а Петрина слушала, и глаза её всё больше разгорались странным, почти жадным огнём.

— Вот оно что, — сказала Петрина, когда Фрада закончила. — Значит, Маккена не промах, вся в великого Натана. Нашла выход из положения, да ещё какой! Но, милая моя, — она понизила голос, — если священник узнает, что она заключила сделку с ангелом смерти, он приговорит её к казни. Её и тебя заодно. Поэтому эта книга не должна попасть в руки Меера.

— Но как же тогда я её спрячу? — спросила Фрада, и голос её дрожал.

— Я могу спрятать её, — предложила Петрина, и в голосе её послышалась та особая хитрость, какая бывает у людей, умеющих извлекать выгоду из чужого положения. — Я знаю несколько тайных мест в библиотеке Боббио, о которых не знает даже сам Меер. Я положу её туда, и никто никогда о ней не узнает. Но ты должна мне дать слово, — она посмотрела на Фраду в упор, — что когда моей внучке, Фриде, понадобится помощь, Маккена не откажет ей, Фрида осталась сиротой в ночь пожара, Маккена должна принять её и защитить.

Фрада колебалась лишь мгновение.

— Хорошо, — сказала она. — Я обещаю тебе. Маккена поможет твоей внучке. Только спрячь книгу.

Петрина кивнула, взяла свёрток, спрятала его за пазуху, и они разошлись — каждая в свою сторону. Фрада, облегчённо вздохнув, поспешила обратно в замок, а Петрина растворилась в темноте, унося с собой тайну, которая могла стоить жизни многим.

Фрада вернулась в покои, укуталась в одеяло и, наконец, смогла уснуть — но сон её был тревожным и беспокойным, как и подобает тем, кто носит в душе тяжкий груз обмана.

Утро наступило, как всегда, неожиданно. Яркие лучи солнца, проникая сквозь разноцветные стёкла витражей, разливали по комнате мягкое, переливающееся сияние. Маккена проснулась впервые за долгое время с чувством лёгкости, почти блаженства. Она чувствовала, что силы возвращаются к ней, и даже утренний холод не казался ей столь пронизывающим.

Она поднялась, подошла к окну, и, глядя на восходящее солнце, почувствовала, как в душе её разливается тепло. Ей захотелось разделить это чувство с сестрой, и она поспешила разбудить Фраду.

— Фрада, проснись! — позвала она, но, когда начала одеваться, случайно заглянула в тот угол, где ночью хранила свёрток. Он был пуст.

— Что? — вскрикнула она, и голос её сорвался на панический визг. — Фрада! Просыпайся! Книга! Книга пропала!

Фрада вскочила, сонная и испуганная.

— Маккена, чего ты так кричишь? — пробормотала она, протирая глаза. — Никуда она не пропала. Я отдала её.

— Что? — Маккена уставилась на сестру с недоверием. — Ты отдала её? Кому? Когда?

— Пока ты спала, — ответила Фрада, стараясь, чтобы голос её звучал как можно более ровно. — Я отнесла её в Боббио и спрятала. Я подумала, что если Меер узнает о книге и о том, что ты заключила сделку, тебя казнят. Поэтому я поспешила избавиться от неё, пока никто не видел.

Маккена смотрела на сестру с чувством, в котором смешались гнев, облегчение и недоверие.

— Фрада, — сказала она медленно, — почему ты не спросила меня? Почему ты поступила так, не предупредив?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.